

Новое известие - 2012 - 2 мая - с. 7

Вот какой рассеянный с улицы Бассейной

Завтра исполняется 115 лет со дня рождения Самуила Маршака

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Он обессмертил свое имя театральной сказкой «Двенадцать месяцев», которая никогда не покинет сцену. Мудрый Самуил Яковлевич сумел упаковать якобы в детский сюжет всю свою жизнь и всю свою философию. Вера в то, что зимой могут расцвести подснежники, — обязательное условие духовного выживания в вечной мерзлоте сталинского режима. Маршак дожид и до оттепели, и до цветения подснежников среди зимы, и до лютых крещенских холодов, сгубивших все, что так не вовремя расцвело.

Он и сам был обречен на полное вымерзание и в эпоху борьбы с «космополитами безродными», и в эру борьбы с «низкопоклонством перед западом». Фашистские идеологические чистки Сталина перехлестывали одна другую. Они сопровождалась закрытием журналов, арестами и расстрелами писателей с еврейскими фамилиями и поисками тайных врагов даже среди своих ивановых, петровых и сидоровых. Что уж говорить о фамилии Маршак. Разумеется, она значилась в расстрельных списках, представленных Сталину, который все смертные приговоры, вынесен-

ные заранее или даже задним числом, санкционировал собственноручно. Он вычеркнул Маршака со словами: «Почему шпион? Прекрасный детский поэт». Вместо ареста и расстрела посыпались награды и поощрения. Искать какую-то логику в этом поступке людоеда с марксистским окрасом не приходится. Просто детская поэзия Маршака пришлась Сталину как раз по уму. Он не любил и боялся всего непонятного, а непонятным для него в культуре было почти все. Маршака спасла искренняя ориентация на предельную простоту. Ему не надо было в нее впадать, как в ересь. Ничего другого поэт никогда не исповедовал. Иногда эта простота была и впрямь хуже воровства: *Желаю вам расти, цвести, / Беречь свое здоровье, / Оно на жизненном пути / Главнейшее условие.*

Однако та же самая простота сделала Маршака гениальным переводчиком сонетов Шекспира и стихов Бёрнса.

И какая нам забота, / Если у меня / Целовался с кем-то кто-то / Вечером во ржи... Эти строки шотландского поэта стали русскими с того момента, как их перевел Маршак.

Даже супермудреный Блейк в переводах этого волшебника стал

своими и домашним. *Тигр, о тигр, светло горящий / В глубине полночной чаши, / Кем задуман огневой / Соразмерный образ твой? / Что за горн пред ним пылал, / Что за млат тебя ковал?.. / Неужели та же сила, / Та же мощная ладонь / И ягненка сотворила, / И тебя, ночной огонь?*

Что же касается шотландских баллад, кто не знает почти наизусть: *Королева Британии тяжело больна, дни и ночи ее сочны...* Ну а трагическая история о том, как враг вступает в город, пленных не щадя, оттого что в кузнице не было гвоздей, стала давно отечественным фольклором. Я бы не вычеркивал из анналов культуры суперидеологический лубок о Мистере Твистере. Это ведь тоже вошло в фольклор. А обратного пути из фольклора в забвение не существует.

Если говорить о музее Маршака, то она лучше всего запечатлена в двух строках: *По проволоке дама / идет, как телеграмма.*

Маршак переводил сонеты Шекспира в то самое время, когда газета «Правда» писала, что хор имени Пятницкого выше Шекспира, потому что этот хор, во-первых, русский, во-вторых, народный, а Шекспир не то и не другое. В этом контексте совсем по-

иному звучат слова: *Зову я смерть. Мне видеть нетерпелю / Достоинство, что просит подаянье, / Над красотой глумящуюся ложь, / Ничтожество в роскошном одеянье.*

Можно спорить о точности перевода, но по-русски сонеты Шекспира звучат только в переводах Маршака. Многие считают, что это не Шекспир, а Маршак. Ну что ж, спасибо Шекспиру, что подарил нам Маршака. В те годы появилась ехидная эпиграмма:

*Маршак — его мы ценим лиру
За свежест, опытность и пыл.
Добавил славы он Шекспиру
И о своей не позабыл.*

Он действительно всегда был искрой, которая разгоралась от чьего-то гениального пламени. Но этой искры так не хватало во мраке сталинской ночи. В конце жизни о музее Маршака можно было бы сказать словами его же перевода английского детского стишка: *Присела старушка сама не своя / и тихо сказала: «Ну, значит, не я».* Действительно, трудно порой отличить, где Бёрнс, где Шекспир, где Милн, где сам Маршак. В стране, которая хотела отгородиться от всего мира, этот поэт был послем мировой культуры. Верительные грамоты его поэзии Россия будет читать всегда.

Маршак Самуил

2.11.02

93